

ЕВА МЕРКАЧЁВА

ГРАД ОБРЕЧЕННЫХ

**ЧЕСТНЫЙ РЕПОРТАЖ
О СЕМИ КОЛОНИЯХ
ДЛЯ ПОЖИЗНЕННО
ОСУЖДЕННЫХ**

18+

Ева Михайловна Меркачёва Град обреченных. Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осуждённых

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64580457

*Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно
осуждённых: Альпина Паблишер; Москва; 2021
ISBN 9785961471717*

Аннотация

Журналист и правозащитник Ева Меркачёва побывала во всех семи российских колониях для пожизненно осужденных – там, где никто не хочет оказаться по своей воле. Она брала интервью у сотрудников колоний и у заключенных и рассказала в своей книге честно и без прикрас всё, что ей удалось увидеть и узнать. Автор подробно описала распорядок дня в колониях, быт заключенных, их самих и то, как меняют людей тюрьма, осознание тяжести совершенных преступлений и того, что им не выйти на свободу до конца жизни.

Ева Меркачёва общалась с киллерами, маньяками, педофилами и другими преступниками, совершившими поступки настолько страшные, что общество предпочло навсегда исключить их из своей жизни. Она пыталась понять, что толкало

их, когда-то совершенно нормальных, на преступления, что делало чудовищами в человеческом обличье; раскаиваются ли они или, наоборот, сожалеют о том, что не могут продолжать творить зло.

Содержание

Предисловие	8
Слово эксперта	12
Часть I	16
Глава 1	16
Глава 2	38
Глава 3	44
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Ева Михайловна
Меркачёва
Град обреченных.
Честный репортаж
о семи колониях для
пожизненно осуждённых**

Редакторы *Инна Логунова, Ольга Равданис*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *О. Равданис*

Корректоры *Е. Аксёнова, Т. Редькина*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Фото на обложке *Д. Тарасов*

В книге опубликованы фотографии из личного архива автора

© Меркачёва Е. М., 2021

© ООО «Альпина Пабlishер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предна-

значена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Ева Меркачёва прошла все семь российских колоний для пожизненников. Прошла смело и честно – как журналист и правозащитник. Бесстрашно проплыла это рукотворное море человеческого страдания от берега до берега и не утонула в нем, а, наоборот, раз за разом сама пыталась спасти тонущих. Тот, кто хоть раз побывал, например, в «Черном дель-

фине», вовек не забудет угрюмые камеры-«американки», где вдоль решетки, заменяющей стену, из конца в конец движутся люди, точь-в-точь как тигры в зверинце. Или это на самом деле звери – дикие или одичавшие? Ответ узнаешь, только если согласишься посмотреть им в глаза. Но на такое страшно решиться. Потому что зверь – если это действительно он, а не жертва судебной ошибки или произвола – тоже заглянет тебе в душу. Ева Меркачёва не уstraшилась. Не знаю, что в большей степени придало ей храбрости: профессиональная любознательность или присущее настоящему правозащитнику человеколюбие. Но зато знаю результат – это книга, которую вы держите в руках.

Михаил Федотов,

министр печати и информации Российской Федерации (1992–1993),

председатель Совета по правам человека (2010–2019)

Предисловие

Что творится за колючим забором самых строгих тюрем страны? Как живут те, кого общество признало опасными преступниками, не заслуживающими снисхождения? И проявило ли государство гуманизм, заменив им высшую меру – расстрел – на пожизненное лишение свободы?

В России семь колоний для пожизненно осужденных, или ПЖ – в тюремной системе безликие аббревиатуры повсюду. Я стала первым журналистом, объехавшим все. Вот каким был мой путь, в который я позову с собой в этой книге тебя, дорогой читатель: «Полярная сова» (Ямало-Ненецкий автономный округ, поселок Харп) – «Вологодский пятак» (Вологодская область, остров Огненный) – «Мордовская зона» (Республика Мордовия, поселок Сосновка) – «Торбеевский централ» (Республика Мордовия, поселок Торбеево) – «Белый лебедь» (Пермский край) – «Черный дельфин» (Оренбургская область, город Соль-Илецк) – «Снежинка» (Хабаровский край, поселок Эльбан).

Кто-то назовет это адским маршрутом. Я окрестила его дорогой Искупления.

Можете ли вы представить себе северное сияние над тюремными вышками (как в «Полярной сове»)? Или камеры-кельи, со сводов которых видны лики святых (как на острове, где стоял в прошлом монастырь, а ныне тюрьма для по-

жизненников «Вологодский пятак»)? Или корпуса «смертников», утопающие в розах рядом с целебными озерами (как в «Черном дельфине»?).

Ни одна из семи колоний для ПЖ не похожа на другую. В каждой протекает своя жизнь, в каждой – свои условия. При этом закон един для всех приговоренных к пожизненному сроку. И везде есть одна особенность: не работают воровские понятия и нет деления по мастям. К примеру, вчерашний «смотрящий» за целым регионом сегодня сидит вместе с педофилом за одним столом. И все у них общее – от миски до унитаза.

Даже в этих гиблых местах арестанты не расстаются с надеждой: пишут стихи и мечтают о свободе. И никто из тех, с кем я общалась, не хочет умирать, никто не променял бы даже несколько дней унылой жизни в застенках на смертную казнь.

В книге вы найдете не только мои самые интересные беседы с арестантами (они пишут мне письма до сих пор едва ли не ежедневно), но и откровенные рассказы тюремщиков. А еще будут цифры и анализ – для тех, кто хочет разобраться в теме.

Часть историй, что вы прочитаете, были опубликованы в газете «Московский комсомолец», где я работаю много лет. Что-то я рассказываю, но впервые. Некоторые газетные публикации имели неожиданное продолжение. К примеру, прочитав мое интервью с киллером Орехово-Медведковской

группировки, в него влюбилась женщина-следователь — они поженились за решеткой. Эта история вызвала много шума, было снято несколько телепередач, в одной из которых прозвучало: «Не пускайте больше Меркачёву в колонии для пожизненно осужденных, она слишком жалостливо пишет про монстров, которых давно нужно расстрелять». Над этим можно было бы посмеяться, но тема смертной казни актуальна до сих пор. Большинство россиян выступают за ее возврат, даже понимая вероятность ошибки судов и следствия. Так, одна из глав книги посвящена откровениям убийцы, который рассказывает, как за его преступления сидят другие люди, но это кому-то выгодно. Как минимум трое из тех, кого я интервьюировала, на мой взгляд, могут быть невиновны.

Если сложить время, проведенное в беседах с осужденными, получится не один месяц. Маньяки и педофилы, киллеры и лидеры организованных преступных группировок, убийцы «по воле случая», жертвы страшной ошибки и чьего-то злого умысла. Их рассказы и исповеди — это не просто истории самых громких и значимых уголовных дел (тем более что не все мои собеседники были известны, а их страшные преступления не всегда попадали на страницы газет). Это история всей криминальной России.

В этой книге я подробно расскажу о каждой колонии, познакомлю с тем, что увидела и услышала там сама. Камеры, штрафные изоляторы, прогулочные дворiki, медчасть, кухня, кабинет начальника. Не было ни одного помещения, ку-

да бы я ни заглянула. Я старалась все описывать непредвзято. Но объективность в таких вопросах – вещь субъективная (простите за этот оборот речи).

Я также старалась не осуждать никого из тех, кто проводит в этих колониях бесконечно долгие дни и ночи. Может быть, в этих интервью потерпевшие или просто те, кого потрясли их страшные преступления, найдут ответы на мучившие их вопросы. Может быть, кто-то, оказавшись на пороге совершения ужасного и непоправимого, вовремя остановится. Именно для этого я и написала эту книгу. Прошу вас только об одном: читая ее, помните произнесенную – не мной – истину: милосердие выше справедливости. Оно есть сама Высшая Справедливость.

КОЛИЧЕСТВО ПРИГОВОРЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ (ДАННЫЕ НА 25 МАЯ 2021 ГОДА):

Мордовия (ИК-1 в поселке Сосновка и ИК-6 в поселке Торбеево) – 158 и 138

Пермский край (ИК-2, город Соликамск) – 291

Вологодская область (ИК-5, остров Огненный) – 186

Оренбургская область (ИК-6, город Соль-Илецк) – 593

Ямало-Ненецкий автономный округ (ИК-18, поселок Харп) – 307

Хабаровский край (ИК-6, поселок Эльбан) – 273

Всего – 1946

Слово эксперта

По определению «Толкового словаря» Даля тюрьма – острог, темница, место заключения преступников или подсудимых. Но Тюрьма – это больше, чем слово. Это – участь и иногда судьба. Для кого-то работа, для кого-то – образ жизни. Кто-то выбирает Её, а кого-то забирает Она. Её боятся, мысли о Ней стараются оттолкнуть, отодвинуть в самые далекие закоулки памяти, но иногда Она всплывает внезапно, резко. И тогда – приходит страх. Сначала он липкий, мягкий, он сковывает и вызывает оцепенение, а затем – бьет. Бьет так, что до дрожи. И приходит ужас, да такой, что даже очень сильные люди готовы на всё, готовы дать любые показания как свидетель, лишь бы этим свидетелем и остаться. Но иногда Тюрьма манит и притягивает, как магнит: что там за ее стенами, как живут эти люди, какие они, за что там оказались? Нет-нет да и закрадывается мысль: «А вот посмотреть бы, хоть разочек глянуть одним глазком – что Там?»

Когда в 2012 году мне предложили работать в тюремной системе, скажу прямо: было много сомнений. С одной стороны, народная молва о наших тюрьмах и «наследие 30–40-х годов XX века», а с другой – мой неподдельный интерес ко всему происходящему в тюремном ведомстве. Сейчас, по прошествии семи лет работы, могу сказать одно: это были самые лучшие и интересные годы моей службы. Я счаст-

лив, что мне выпала честь служить в Федеральной службе исполнения наказаний. Я видел глобальные изменения, которые воплощаются в жизнь усилиями ее директора Геннадия Александровича Корниенко. Тюрьма начала меняться. В глазах людей, которые сейчас выходят на свободу, пропал тот животный страх, который был еще пять-шесть лет назад.

Несмотря ни на что, тюремная система переживает время оттепели и гуманизма. Так и должно быть в демократической стране. И позже люди это оценят. В тюрьме – тоже наши люди, граждане нашей страны. Они совершили преступление и за это приговором суда лишены свободы. Это и есть их наказание. Оскорбления и унижения недопустимы. Отношение к ним должно быть человеческим и обращение – только «на Вы».

В моем детстве многие с интересом, собравшись всем двором, слушали рассказы «бывалых заключенных» о том, что было Там. Кто-то говорил охотно, с увлечением повествуя о тюремном братстве, кто-то, наоборот, замыкался и бледнел при одном только упоминании о Той жизни. Люди всегда хотели знать, что происходит в Тюрьме, по каким законам и правилам она живет.

У нас бытует мнение, что иностранцев пугает российская действительность: Сибирь, мороз, тайга, снега, тюрьма. Что Тюрьма у нас очень страшная и жестокая. Это не совсем так. Строгая – да, жесткая – да. Но за рубежом мне не раз приходилось видеть гораздо более жестокие тюрьмы. В моем по-

нимании выжить там нельзя. Жить – можно какое-то время, но выжить, вернуться живым – пожалуй, нет.

Как бы то ни было, в России люди выходят на свободу даже после очень больших сроков. И начинают говорить. А потому мы можем услышать о том, что было и как. Хотим мы того или нет, тюрьма перестает быть закрытой темой для нашего общества. Но есть одно исключение – колонии для пожизненно осужденных. Оттуда не выйдет никто. И никто никогда не расскажет, что там и как. Расскажем мы, тюремщики, но в народе далеко не каждый поверит нашему слову, а проверить – никак, нет обратной связи.

Дорогие читатели, сегодня вы можете открыть эту последнюю тайну тюремной системы нашей страны. Обозреватель «Московского комсомольца» Ева Меркачёва – первый и пока единственный гражданский человек, который побывал во всех колониях России для пожизненно осужденных. Ее книга и будет этой обратной связью, возможностью узнать истинное положение дел не со слов тюремщика.

Смотрю на Еву – маленькая, худенькая, хрупкая девушка. Талантливая журналистка и писатель. Почему она стремится писать о тюрьме? Откуда у нее силы, смелость, чтобы встречаться с ее обитателями? Думаю, ее тоже заворожила Тюрьма – такого неподдельного интереса, такого желания следовать правде я еще не встречал.

С уважением к читателям,

Валерий Максименко,

*заместитель директора ФСИН России (с 2016-го по март
2020 года),*

генерал-лейтенант внутренней службы

Часть I

«Полярная сова»

Глава 1

Жизнь на краю земли

Почти на самом краю Земли, в царстве вечной мерзлоты, где, кажется, остановилось даже время, находится российская колония «Полярная сова». Здесь отбывают пожизненный срок маньяки, жестокие убийцы, педофилы и террористы.

За все время существования «Полярной совы» ни одному ее узнику не удалось ни сбежать, ни освободиться. Путь отсюда один – на кладбище.

*«Жизни путь выбираем мы сами,
Только он, к сожалению, не всем,
Освещается солнца лучами».*

СТИХИ ОСУЖДЕННОГО К ПОЖИЗНЕННОМУ
ЗАКЛЮЧЕНИЮ «ПОЛЯРНОЙ СОВЫ» ВИТАСА ЖИГЛИСА

Поселок Харп (в переводе с хантыйского означает «северное сияние») расположен в Ямало-Ненецком округе. Чтобы

добраться сюда от Москвы на поезде, потребуется больше двух суток. От материка «Северное сияние» отделяет могучая Обь. Большую часть года попасть в поселок можно лишь на вертолете или судне на воздушной подушке. Если бы какому-то безумному осужденному удалось сбежать (хотя в вечной мерзлоте даже подкоп не сделаешь!), он вряд ли бы смог преодолеть эту преграду. Не говорю уже о том, что ему пришлось бы пройти пешком 50 км по тундре. Зимой здесь холодает до минус 40–60, а лето длится всего месяц. Одним словом, лучшего места тюрьме для особо опасных преступников, пожалуй, на всей планете не сыщешь.

На момент моего визита здесь 330 пожизненно осужденных, на руках которых кровь 10 000 людей (в среднем на каждом по 10 трупов, но есть и такие, на ком по 100 и даже 300). Что было бы, если бы они разом вырвались на свободу? Как мечтательно скажет мне потом в беседе битцевский мажор Александр Пичушкин: «Первым делом я убил бы для снятия стресса парочку людей и изнасиловал несколько женщин». Все-таки спокойнее знать, что такие хоть и живы, но находятся далеко от нас, где-то за полярным кругом, и что сбежать они оттуда не могут. По крайней мере за всю 35-летнюю историю «Полярной совы» (официально она открылась 3 июня 1985 года) ни одного случая удавшегося побега не было.

Помимо осужденных в Харпе живет почти 6000 человек. Почему они-то, вольные люди, застряли в этом богом забы-

том месте? Год стажа работы здесь идет за два, есть северные доплаты, а отпуск длится целых два месяца. Многие жители или их родные, кстати, работают в колонии.

– Я уже 18 лет здесь, – вздыхает и. о. начальника «Полярной совы» Игорь Николаевич. – По иронии судьбы приехал из Крыма, где почти круглый год зелено и тепло, в место, где почти круглый год все бело и холодно. Но к тундре привыкаешь и даже постепенно влюбляешься...

В самом поселке разруха и нищета, кругом покосившиеся дома и разбитые дороги, и только магазинчики с вывесками «Вино» выглядят прилично. Если бы не колония, о Харпе вообще вряд ли бы кто знал. Она – главная и единственная достопримечательность, с нее, собственно, и начался сам поселок.

– Тут везде был пустырь, – рассказывает ветеран службы Сергей Короткевич. – А потом на уровне ЦК было принято решение об освоении тундры Ямало-Ненецкого округа.

– Первым делом сюда отправили заключенных, чтобы те строили в этом суровом крае железную дорогу, – вспоминает еще один старожил Харпа Виктор Шелешов. – Для них и создали лагерь. В основном сюда направляли преступников-рецидивистов. Но был, к примеру, один танкист, который прошел всю войну, а в Берлине мародерствовал, за что и получил огромный срок. А вообще, арестанты тогда были сознательные, трудолюбивые. По соседству с колонией стоял завод железобетонных конструкций, там они с утра до ночи

и вкалывали. На приветствие отвечали: «Служу трудовому народу!»

– Страх тогда не было у сотрудников, – продолжает Шелешов. – Я один в те годы выводил сразу по 80 человек и не боялся, что они сбегут или нападут. А сейчас одного заключенного ведут по двое-трое конвоиров! Мы в те годы и спецсредств не применяли, старались объяснить все по-хорошему. А осужденные нам знаете, что говорили? «Вы такие же, как мы, с нами вместе сидите в этой тюрьме, только домой спать уходите».

Колонией для пожизненно осужденных «Полярная сова» стала в 2004 году – специально для самых «тяжелых» арестантов построили четыре двухэтажных корпуса на отдельной территории. Строили сами зеки: одни заключенные возводили тюрьму для других.

Скульптура полярной совы на территории колонии

Колония разделена на три части: в одной отбывают наказание пожизненно осужденные (всего 330), в другой – приговоренные к строгому режиму (около 300 человек), а третья является колонией-поселением (порядка 100).

На территорию, где сидят ПЛС (к этой аббревиатуре не сразу привыкаешь, но здесь ее используют все, и означает она «пожизненно лишенные свободы»), все эти годы не попадал ни один пишущий журналист. О ней к моменту моего визита туда не было ни одной статьи в газете. Но зато про

нее ходили самые ужасные слухи.

Даже отъявленные злодеи, прошедшие через десятки лагерей, говорили, что пережить можно что угодно, только не «Полярную сову». В неофициальном рейтинге самых страшных тюрем России ее поместили на первое место. Несколько лет назад один из арестантов этой тюрьмы передал письмо (оно опубликовано в интернете), в котором рассказал страшные вещи. К примеру, что на заключенных здесь натравливают овчарок, что бьют за малейшую оплошность резиновыми палками, что в туалет выводят по графику, что на еду отводится ровно 5 минут и человек берет ровно столько пищи, сколько может за раз запихнуть себе в рот.

*«Случается с нами порою беда,
И мы утопаем в слезах и печали,
Но нам невдомек, что свершилась судьба,
Которую нам небеса начертали».*

ВИТАС ЖИГЛИС

Двери контрольно-пропускных пунктов с грохотом закроются за моей спиной многократно, потому что в этой тюрьме несколько КПП. Колючая проволока, бетонный забор под высоковольтным напряжением, вышки с автоматчиками. Территория для ПЛС – это, по сути, тюрьма в тюрьме. Вся «Полярная сова», кстати, полностью автономна, и если в поселке отключат отопление, свет и воду, то колония сможет обеспечивать себя сама многие дни и даже месяцы, пока не

придет помощь с Большой земли. На фоне колючей проволоки особенно трогательно смотрятся скульптуры и рисунки белой совы, которые здесь можно встретить в самых неожиданных местах.

Мы входим в корпус. Представьте себе длинный коридор, по краям которого расположены камеры. На двери каждой висит табличка с ФИО осужденного, его фото и перечнем статей Уголовного кодекса. Но нет ни одной таблички, где бы не было указано главное преступление против личности – «убийство», статья 105 УК. Редкие сидельцы «Полярной совы» осуждены только за убийство: обычно у них еще по три – пять статей, которые приводят в ужас знающих Уголовный кодекс.

Молчаливые сотрудники открывают одну за другой камеры, на которые я указываю наугад. Железные двери, а за ними еще двойные решетки – высший уровень безопасности. Внешне камеры совершенно стандартные и мало чем отличаются от тех, что в московских СИЗО. Из мебели – тумбочка, кровать и стол. Но здесь нет перелимита, кошек и беспорядка.

– ПЛС разрешается иметь при себе только самое необходимое, чтобы не захламлять камеру, – рассказывают сотрудники. – Остальные вещи, включая купленные или полученные в посылках продукты, находятся в особых помещениях, которые есть на каждом этаже, и выдаются по мере необходимости. Видеонаблюдение пока ведется только за коридо-

рами, потому что средств оснастить каждую камеру нет.

Слухи про «пытки туалетом» оказались ложными – везде есть не только раковина, но и унитаз. А в «еврокамерах» (так называют здесь те, которые только что были отремонтированы и оборудованы по всем новейшим стандартам) он вообще производит приятное впечатление – блестящий, изящный.

В «Полярной сове» три такие «новомодные» камеры, в одной из них содержится печально известный майор Денис Евсюков, расстрелявший людей в супермаркете (двое убитых, семеро раненых). Еврокамеры – для самых примерных заключенных. Евсюков именно такой. За все время нахождения здесь он не получил даже ни одного замечания.

Осужденный Евсюков становится лицом к стене, потом по команде поворачивается, резким и четким, доведенным до автоматизма движением широко разводит руки в стороны и растопыривает пальцы. Так полагается – чтобы сотрудники видели, что в руках у него ничего нет. Человек с растопыренными пальцами выглядит одновременно смиренным и безмерно одиноким.

СТАНДАРТНАЯ КАМЕРА

– Как вам здесь?

– Все хорошо.

– Есть ли жалобы, просьбы?

– Всего достаточно. Жалоб нет.

– Ну а что можно было бы изменить, на ваш взгляд, чтобы облегчить участь всех осужденных?

– Чтобы длительные свидания с близкими были... Но общество считает, что мы опасны.

– И близкие так считают?

– Близкие не считают.

На этом разговор с майором Евсюковым заканчивается. Прессу он не жалует. То ли что-то скрывает (в определенных кругах гуляет мнение, что обществу не сказали и половины правды об обстоятельствах расстрела людей в супермаркете «Остров»), то ли просто боится быть слишком откровенным.

По закону осужденные к пожизненному заключению имеют право на телефонные звонки и длительные свидания только по истечении 10 лет. Именно эту норму пыталась оспорить недавно в Европейском суде по правам человека жена одного из постояльцев тюрьмы, обвиненного в терактах на Черкизовском рынке Николая Королёва. ЕСПЧ ее поддержал и постановил, чтобы администрация «Полярной совы» пересмотрела свой отказ Веронике Королёвой в длительных свиданиях с мужем. Но к моменту моего посещения колонии свидания ей так и не дали.

– Я не знаю, как быть, – говорит начальник. – Я же не могу нарушить закон. Ведь с момента решения ЕСПЧ изменения в него никто не внес.

Королёвы продолжают бороться за длительные свидания, для них это борьба еще и за продолжение рода: Вероника хочет забеременеть, а сделать это во время краткосрочного свидания (участников разделяет стекло) невозможно. У жены майора Евсюкова такой проблемы нет: дети в семье появились задолго до преступления. Супруга Евсюкова, кстати, по словам его сослуживцев, ждет мужа, пишет письма,

но на краткосрочные свидания к нему не ездит. А вот отец Евсюкова в «Полярной сове» частый гость.

– Плохо, когда у осужденного вообще нет родных, но еще хуже, когда они от него отказались после приговора, – говорит психолог «Полярной совы» Алевтина. – А чаще всего именно так и происходит. Близкие решают, что не могут ждать без надежды, и вычеркивают человека. И в сто раз хуже, когда родные не могут простить за совершенное преступление и проклинают. Так поступают даже любящие матери.

Алевтина – добрая фея «Полярной совы». Много лет она выслушивает стоны и вытирает слезы тем, кто недостоин никакой жалости. Но даже она не может находиться в присутствии Пичушкина и других маньяков, у которых до сих пор есть только одно желание – мучить и убивать.

– Причина всех злодеяний, что совершили эти люди, – гордыня, – говорит Алевтина. – Многие убивали, чтобы доказать другим свою власть, продемонстрировать свою силу. И пока человек не победит гордыню, он не почувствует раскаяния. Тот же Пичушкин ведет себя высокомерно даже за решеткой.

Один известный арестант (просил не называть его имени) уверяет меня, что напрямую общался с Богом:

– Я спросил его: «За что?» А он мне ответил: «Потому что ты был свободен в своем выборе». Я воскликнул: «Зачем мне такая свобода, которая принесла столько горя людям и мне?!» А он ответил на это: «Если бы не было свободы, ты

бы никогда не был счастлив. Свобода дает тебе выбор – быть счастливым или отказаться от этого».

*«Полумрак в моей комнате, в сердце печаль...
Слезы смоят с души моей горя вуаль...»*

ВИТАС ЖИГЛИС

Я пытаюсь представить себя на месте тех, кто живет в «Полярной сове». Для начала прошу разрешения примерить тюремную робу и побыть какое-то время в камере, а дальше все по тюремному распорядку.

РАСПОРЯДОК ДНЯ ПЛС

6:00 Подъем

6:00–6:15 Заправка коек

6:15–6:30 Физическая зарядка

6:30–7:00 Завтрак

7:00–7:30 Уборка камеры

7:30–8:00 Утренний осмотр камеры

8:30–9:30 Обход медицинским работником

Прогулка в промежуток с **10:00** до **19:00** в порядке очереди.

12:00–12:30 Обед

17:00–17:30 Ужин

20:00–20:40 Вечерняя проверка

20:40–21:40 Личное время

21:40–21:55 Подготовка ко сну

22:00 Отбой

Роба оказалась на удивление удобной. От старой, грубой,

здесь отказались всего пару лет назад. Помимо ботинок мне принесли еще и сандалии, а рубашку выдали синего цвета и вполне себе «вольного» покроя. Из окна, закрытого двойными решетками, почти не видно неба, а значит, нельзя полюбоваться на восходы и закаты. Как точно написал кто-то: «Когда тебя лишают свободы, у тебя отнимают и солнце, и луну, и звезды». В условиях полнейшей изоляции особенно важно, чтобы твой сокамерник был если и не друг, то по крайней мере не ненавистный враг.

– Живут осужденные в камерах по двое – так прописано в статье 127 Уголовно-исполнительного кодекса (хотя размеры помещения позволяют содержать и по три, четыре, пять человек), – объясняет оперативный сотрудник Максим. – Стараемся подбирать так, чтобы они психологически подходили. Но в любом случае через год-два они устают друг от друга, и тогда мы производим «рокировку». Часто просто даем осужденному по его просьбе возможность посидеть в камере одному.

Сложнее всего подобрать сокамерников убийцам и педофилам. Помимо московского битцевского маньяка Александра Пичушкина в «Полярной сове» отбывает наказание маньяк Дмитрий Вороненко. Родители истерзанных им девочек требовали смертной казни для Вороненко и даже дошли до Верховного суда, который оставил в силе приговор о пожизненном заключении. Вообще, Вороненко и Пичушкин, хоть и признаны вменяемыми, говорят и ведут себя так,

что очень быстро мне, их собеседнице, начинает казаться, что я схожу с ума. Они с утра до вечера предаются воспоминаниям о своих убийствах или рассказам о жутких фантазиях про новые зверства. Никто с ними в камерах не выдерживает больше двух-трех дней, а содержать их вместе опасно: поубивают друг друга. Это тот случай, когда мало кто о смертоубийстве пожалеет, но для администрации «Полярной совы» это ЧП. Так что и Пичушкин, и Вороненко сидят поодиночке.

Из радиоприемника льется классическая музыка. Радио здесь включают каждый день с 6:00 до 21:45. А вот телевизор с DVD приносят обычно раз в неделю, часа на два. Фильмы подбирают для арестантов патриотические, про войну.

Тем, кто не хочет смотреть кино, остается только читать. Библиотека в «Полярной сове» большая, многие книги арестанты зачитывают до дыр. Особенно в чести у них религиозная, философская и приключенческая литература. Как сказал мне один осужденный, они лишены возможности путешествовать в реальности, но никто не может запретить им отправляться в путь виртуально вместе с героями книг.

Прошу отвести меня на прогулку. Вместо большого двора попадаю в квадратное помещение с бетонными стенами, где нет потолка. Мерить шагами периметр не слишком большое удовольствие и мало чем отличается от хождения по камере. Но воздух свежий и хоть какая-то перемена обстановки. На прогулку выводят покамерно, то есть по двое.

Общаться с другими осужденному запрещено, да и возможности для этого нет никакой.

Прием у врача. Меня отводят в медкабинет и там сажают в клетку – о безопасности докторов здесь тоже заботятся. Случаев нападения на медиков в «Полярной сове» не было, но, возможно, именно потому, что здесь все сотрудники всегда помнят, с кем имеют дело. Начальник медсанчасти Марина Николаевна рассказывает, что в «Полярной сове» нет ни одного больного туберкулезом, но есть шестеро с ВИЧ, один из них отказывается от терапии. Хронических болезней у арестантов много, лечить их тяжело (приходится вывозить в другие регионы), но умирают они даже реже, чем в обычных колониях: в среднем один-два человека в год, обычно от инфарктов. Возможно, все дело в том, что большинство осужденных в «Полярной сове» в возрасте до 40 лет.

И снова камера. Лежать днем на кровати строго запрещено. Для многих это настоящее испытание, и они жалуются. За последнее время сразу несколько здешних арестантов попытались оспорить тюремные нормы и правила. Один подал иск в суд, посчитав, что окно у него в камере слишком узкое. Кстати, выиграл.

– В отличие от других осужденных ПЛС не работали, – объясняют сотрудники «Полярной совы». – Но с сентября 2015 года впервые по распоряжению ФСИН их стали обучать некоторым рабочим профессиям – резьбе по дереву, шитью, бисероплетению. В общей сложности такие курсы прошли

уже 50 человек. Они сейчас работают (у нас есть так называемые производственные камеры, где есть станки, машинки), получают зарплату, которая идет на погашение исков потерпевших. Осужденные к строгому режиму готовят пищу для своих «собратьев», приговоренных к пожизненному заключению.

Кстати, майору Евсюкову предлагали несколько раз обучиться швейному делу, но он неизменно отвечал: мол, не готов пока. Возможно, стеснялся, что профессия не мужская. Бывшие сослуживцы майора говорят, что ему работать в тюрьме некогда: он с утра до вечера пишет в разные инстанции жалобы, поскольку считает себя невиновным.

Некоторым ПЛС дали возможность дистанционно получить и вузовское образование. Один арестант даже умудрился окончить духовную семинарию.

А вообще ПЛС много молятся. Тюрьма, как кто-то верно заметил, то самое место, где дьяволы учатся молиться. «Прописанных» в «Полярной сове» это касается больше других. Сколько было случаев, когда осужденные кричали по ночам от кошмаров, когда жаловались психологу на галлюцинации (один, к примеру, уверял, что видел стекающие со стен и потолков камер реки крови). Но начинали по совету священников молиться, и видения, по их словам, отступали.

– На днях один мне рассказал, что к нему «пришли» двое убитых им женщин, – говорит психолог «Полярной совы» Алевтина. – Он с ними якобы долго разговаривал, и в конце

концов они его простили. Но я бы не стала слишком доверять всем подобным рассказам. В действительности искренне раскаиваются в содеянном единицы осужденных. Остальные даже религию используют как возможность получить какие-то преференции. Почти в каждой камере вы найдете список церквей и приходов, куда они пишут ежедневно. А все для того, чтобы оттуда им прислали деньги или продукты. К поиску веры это не имеет никакого отношения. Увы.

*«Судьба, как женищина, горда,
Но тоже любит комплименты,
И нет прекраснее момента,
Когда ты понял: жизнь – игра».*

ВИТАС ЖИГЛИС

Обхожу камеру за камерой, расспрашиваю арестантов. Ни один не говорит что-то вроде «Лучше бы меня расстреляли, чем всю жизнь быть здесь». Все они цепляются за жизнь, верят, что вот-вот произойдет какое-то чудо. Понятие времени у жильцов «Полярной совы» совсем другое, чем у нас.

– Вот пройдет 10 лет, и будут разрешены звонки и длительные свидания, а еще через 25 можно подать ходатайство об условно-досрочном освобождении, – очередной заключенный рассуждает о 10 и 25 годах будто это 10 и 25 дней.

Примерно треть считают себя невиновными и надеются, что следствие во всем разберется и их освободят.

– Очень сложно выяснить правду, – вздыхает Алевти-

на. – По психологическим тестам это не видно. Но некоторые осужденные рассказывают о своей невинности так убедительно, что невольно начинаешь сомневаться. В любом случае благодаря мораторию на смертную казнь у них есть шанс. Но за всю историю «Полярной совы» никого из ее арестантов не признавали невинным и не выпускали. Был только один случай, когда осужденному заменили пожизненное заключение на 25-летний срок. Он был счастлив – а у всех остальных появилась надежда.

Одними из первых в колонию, когда та получила статус для осужденных к пожизненному заключению, привезли Олега Шепелева и Витаса Жиглиса, чьи стихи вошли в эту книгу. Оба чем-то похожи, и это тот редчайший случай, когда пожизненников если и не жалеешь, то остро чувствуешь сострадание к ним.

– Мне было 22 года, учился на экономиста в вузе, – начинает свой рассказ Шепелев. – Залез в долги и убил двух своих сокурсников. Молодой был, ничего не соображал. До 2010 года я ощущал себя жертвой обстоятельств, а потом все враз переменялось. Я осознал, что виноват, пришел к вере, крестился прямо здесь. Я действительно сожалею, что ни за что ни про что лишил жизни двоих людей, и этой ошибки не исправить.

Психолог Алевтина шепотом говорит мне, что Шепелев – один из немногих искренне раскаявшихся. В тюрьме он начал писать книгу (надеется, что ее издадут и он сможет по-

слать весь гонорар 11-летнему сыну одного из убитых) и разработал интернет-проект для воспитания в детях желания делать добрые дела.

— В двух словах: суть в том, что на определенных ресурсах и в соцсетях среди детей будут выбирать «героев дня», «героев недели» и так далее, — вдохновенно рассказывает пожизненник Шепелев. А потом, уже после долгого представления своего проекта, тихо добавляет: — На свободе я вел раздолбайский образ жизни. А тут будто переродился. Пусть я не стал хорошим человеком, но я стал лучше. Но я столько потерял за это время. С годами близкие все реже и реже пишут. Родители — пенсионеры, денег на то, чтобы приехать на краткосрочное свидание на край земли, у них нет. Я столько лет мечтал о том, что вот освобожусь, приеду домой, обниму стариков, вымолю прощения, поплачем вместе... А потом прокачусь на машине ночью, включив хорошую музыку. Это и есть счастье. Молюсь каждый день за убиенных, за себя, за всех.

Шепелев два года назад послал статью в одну местную газету, та его напечатала, и вскоре ему пришло письмо от девушки, которая ее прочитала. Два года переписки — и вот Олег предложил ей выйти за него замуж. Девушка согласилась. После свадьбы станут возможны длительные свидания, и, значит, могут родиться дети. Но муж и жена никогда не смогут вместе приготовить домашний ужин, отец никогда не отведет ребенка в садик, не сходит на родительское собра-

ние, а самих встреч будет меньше, чем красных дней в календаре.

Витасу Жиглису повезло меньше, хотя он в «Полярной сове» столько же, сколько и Шепелев, и даже чем-то похож на него.

– Когда мне было 20 лет, я убил четверых взрослых мужчин, самому младшему из которых было 36 лет, – рассказывает Витас. – Бытовое убийство. Я заступился за свою девушку, которую они обидели. Так случилось, что я вырос на улице, при себе у меня был нож, а они были безоружны... Моя девушка на суде за меня заступилась. Она не считала меня виноватым. Но, когда меня осудили к пожизненному заключению, перестала писать. В последний раз отправил письмо четыре года назад, ответа не получил. И я решил больше ее не беспокоить. Мать мне первые два года писала, а потом бросила. Я ей все еще пишу сам по два-три письма в год, но они все остаются безответными. По большому счету и девушку, и маму я понимаю. Но я прошел через сильнейшее разочарование.

– Если бы сейчас все вернуть, вы стали бы убивать? – невольно вырывается у меня.

– Если бы ситуация была та же, наверное, я поступил бы так же.

Мы долго говорим с Витасом о том, что за решеткой самое страшное, что ему дала тюрьма, а под конец я задаю тот же вопрос, что и всем заключенным, с которыми общаюсь: что

бы он сделал в первую очередь, если бы случилось чудо и он оказался на свободе?

– Пошел бы погулять в лес или по берегу моря один. Шел бы медленно, вдыхал воздух свободы и ни о чем не думал.

Витаса в «Полярной сове» считают самым талантливым. Он сочиняет стихи, которые потом некоторые сотрудники даже переписывают себе в тетради.

– Здесь стихи будто сами из меня выплескиваются, – признается он. – Почти все они о любви, а не о тюрьме.

Зависть – где-то черная, где-то мрачная, где-то просто печальная – вот еще один из грехов тех, кто живет в Харпе. Те, кто отбывает пожизненное, смотрят с завистью на находящихся на строгом режиме (они живут не в камерах, передвигаются по территории без наручников, иногда даже могут выходить за пределы «колючки»). Осужденные колонии-поселения мечтают свободно бродить по Харпу. А мирные жители Харпа завидуют нам – мечтают вырваться из вечного холода в большие города.

Конец арестантов «Полярной совы» печален. Об их смерти обязательно сообщают родным, но те редко когда забирают тело. Да и сами обычно не приезжают, чтобы хотя бы просто попрощаться. Так что хоронят осужденных обычно на поселковом погосте, где им отвели отдельный участок. Последнее пристанище осужденных «Полярной совы». Останки кладут в деревянный гроб, сделанный заключенными, затем опускают в неглубокую могилу, вырытую в вымерзшей

земле.

Арестанты построили эту тюрьму, и они же провожают в последний путь своих собратьев, бесславно закончивших свои дни в ее стенах. Последним, кого похоронили на погосте Харпа, был Евгений Колесников, в 2006–2007 годах вместе с сообщницей убивший шестерых жителей Соликамска во время налетов на квартиры. Он покончил с собой. Маленький холмик и деревянный крест – это все, что напоминает о нем.

Могилы приговоренных к пожизненному сроку

Глава 2

«Битцевский маньяк» Пичушкин

Александр Пичушкин в колонии «Полярная сова»

Приговоренные к пожизненному сроку, отбывающие наказание в ИК-18, научились терпению и могут приспосабливаться к чему и кому угодно. Но только не к Пичушкину. Почти все арестанты отказались сидеть с ним в одной камере. Аргументы были разные, от «я его боюсь, он может убить»

ночью» до «невыносимо слышать его откровения». Потому сейчас он на одиночном содержании.

Собеседников у него нет – кроме телевизора, который приносят раз в неделю на два часа. Может, потому Пичушкин сразу согласился поговорить. Его привели в наручниках (только так заключенные могут передвигаться по колонии) и поместили в маленькую клетку в комнате психолога. Сама доктор попросила разрешения удалиться, чтобы не видеть Пичушкина.

Битцевский маньяк, наводивший ужас на всю Москву столько времени, невысокого роста, щуплый. Диву даешься, как у него хватало сил совершать страшные убийства. Невольно думаешь, что жертвы были под гипнозом. Взгляд у Пичушкина – безумный, страшный.

– Вам трудно подыскать сокамерника.

– Они или становятся моими друзьями, или сбегает от меня.

– Пока не встретила в колонии никого, кто бы объявил себя вашим другом. Ну да ладно. Как идет жизнь в тюрьме?

– Серые будни. Все впечатления тусклые. Вот на свободе осталось много ярких воспоминаний.

– А что тяготит больше всего?

– Невозможность распоряжаться собой. Рабская зависимость от гражданина начальника. Еще трудно осознавать, что срок пожизненный. Мое мнение будет необъективным,

но я считаю пожизненное заключение противоестественным.

– Вы выступаете за возврат смертной казни?

– Смертная казнь – это убийство. Я всегда против убийства, соответственно, я против смертной казни.

– Как же вы против убийства, если на ваших руках кровь столько людей?

– То, о чем вы говорите, не было убийством. Это судьба, провидение.

– То есть вы не раскаиваетесь?

– В моем случае раскаяние не просто лишнее, оно преступное. Я убивал, потому что у меня не было другого выбора. Такая была ситуация, что без убийств ни туда ни сюда.

– Вот вы и сами называете это убийством, потому что другого названия этому нет.

– Это я так говорю, чтобы вам было понятно. Я выбирал максимально удобное для меня средство, в тот момент им было убийство.

– Что вам дала тюрьма?

– Дополнительные знания. Философию познал. Жизнь познал.

– С учетом этого, если бы можно было все вернуть, вы бы не сделали того, что натворили?

– Если исправить мое детство и юность, тогда убийства не пришлось бы совершать за ненадобностью. Дело не в семье. Семья у меня была, в принципе, нормальная, хотя были

сложности. Но покалечило меня общество.

– И как же?

– Вам рассказать всю историю с 13 лет, когда я получил первый удар от общества, и вплоть до 27, когда совершил первое убийство? Все 14 лет?

– Не стоит. Просто вы ищете оправдания тому, чему нет оправданий.

– Был сплошной негатив в моей жизни. Я чувствовал себя чужим. А я живой был, я праздника хотел. А меня все отталкивали.

– Вам не снятся кошмары?

– Мне снятся прекрасные сны, в которых все настолько волшебным, что сложно пересказать. Кошмары мне снились только в Москве.

– А жертвы?

– Убитые? Снятся. Во сне удивляюсь, почему они остались живы, веду с ними те же диалоги, что и вел в реальной жизни, а потом убиваю. Нет раскаяния, говорю же вам. Если бы меня сейчас выпустили, первым делом я убил бы пару человек, чтобы стресс снять, изнасиловал бы женщину, выпил водки. А дальше как карта ляжет. Все ваши религии лживы. Миром правит зло. Я смотрю на вещи реально.

– И с такой философией вы хотели жениться?

– Да, я сделал Наташе предложение. Это спонтанно получилось. Но предложение ей сделал я как мужчина. Она сразу согласилась. Она мне нравится. Может, на свободе я и вни-

мание на нее бы не обратил, но здесь она мне подходит именно такая, как есть. Я тут уже с 2008 года, она мне нужна.

– С Наташей вы познакомились по переписке?

– Она написала в тюрьму. Мы стали общаться. И теперь я ее знаю на все 100 %.

– Она приезжала на свидание?

– Нет, нам не дают свидание.

– То есть вы ее ни разу не видели даже, но собрались жениться?

– Говорю же, я ее знаю, чувствую. Сейчас нам не дают даже переписываться. Поначалу давали, теперь нет.

– Может, она просто перестала писать вам?

– Исключено. Ее письма не доходят. И мои ей. Я написал на прошлой неделе еще одно письмо, но его не отослали. Администрация чинит нам препятствия.

– Родители ваш брак одобряют?

– Отца у меня нет, с мамой я переписываюсь, она меня поддержит.

– И все-таки почему вы так уверены, что Наташа вас не бросила?

– Да потому, что я один такой. За эти годы мне писали порядка 80 женщин! Что писали? «Люблю, хочу, целую».

В отделе учета писем колонии проверили – письмо Пи-чушкина было доставлено адресату. Выходит, «невеста» его просто бросила? Не исключено, что она вообще была подставной фигурой и ее попросили написать маньяку телеви-

зионщики, чтобы снять потом репортаж. Ведь в том «сенсационном» телесюжете Наташа якобы садится на поезд «Москва – Салехард», чтобы приехать к возлюбленному. На Ямале она никогда не появлялась и вряд ли появится.

Глава 3

Бесланский террорист Кулаев

Нурпаши Кулаев во время разговора с автором книги

Нурпаши Кулаев – единственный террорист, оставшийся в живых после захвата школы в Беслане 1 сентября 2004 года. В ней погибли 314 заложников, среди которых 186 детей. Свои жизни при штурме отдали 19 силовиков и спасателей. Теперь Кулаев «сожалеет» и «старается не вспоминать»

убитых. О его судьбе ничего не было известно с того самого момента, как суд приговорил его к пожизненному лишению свободы. Точнее, пошли слухи о его смерти за решеткой, но ФСИН их опровергла.

В самой строгой зоне страны под названием «Полярная сова» Кулаева сторонятся даже маньяки и жестокие убийцы. Несколько заключенных говорили мне, что никто из них не убил столько людей, сколько он. Сам Кулаев больше печалится не о погибших бесланских детях, а о своих собственных, которых не видел много лет и вряд ли увидит когда-нибудь вообще.

35-летний Нурпаши передвигается только в наручниках. Это общее правило для всех арестантов «Полярной совы». Между им и мной – два уровня решеток. Кулаев даже пытается выдавить из себя жалкое подобие улыбки. Я зачитываю ему вопросы, которые хотела бы задать многим осужденным «Полярной совы» в рамках своего рода социологического исследования. Он выслушивает и говорит, что готов ответить на все и даже больше.

– Вы давно здесь?

– С 2007 года, то есть в общей сложности уже девять лет.

– Что вас больше всего потрясло в этой тюрьме?

– Отношение администрации. Я столько разного слышал про эту колонию, что думал: «Вот он, настоящий ад». Оказалось, нет. Здесь можно жить. Тем более что иного выхода нет и ко всему можно привыкнуть.

– И к баланде? Как вам здешняя еда?

– Знаете, я ведь в первый раз кашу и макароны попробовал только в «Полярной сове». У нас не принято есть такие блюда, вот мне и не приходилось до этого. Дома я ел шашлык, зелень. А тут кашу и макароны. Ну ничего, это полезно. Питаюсь я только тюремной пищей, запретил родным пересылать мне деньги и передачи.

– Почему?

– Не нужно это. И запретил приезжать на краткосрочные свидания.

– Бережете их?

– Да.

– И чем же для вас стала тюрьма?

– Она для меня – учебный центр. И большое испытание одновременно. Я многое переосмыслил.

– Раскаяние к вам пришло?

– Я сожалею, что принес столько горя и слез матерям. Я сожалею, что оказался в Беслане. Я выбрал не ту дорогу, это точно. И я виноват в этом. Но ко мне пришла война, и я думал, что действую как на войне. Я поспешил с выводами. Тогда, в школе, я ставил себя на место родителей. Но куда мне было деваться с подводной лодки? Было уже поздно. Если честно, я стараюсь не вспоминать детей. Вот вы сейчас разворошили. **Родители погибших детей не забывают о них никогда. Я понимаю. Детей не вернуть, что бы я ни говорил. И я ничего не могу сделать для родителей.**

– **А выплатить им иски?**

– Нет никаких исков. Но я и без исков просто очень хочу работать, зарабатывать. Могу шить (тут сейчас обучают этому). Но мне нужна нагрузка физическая. Я сильный, а силу девать некуда.

– **Спортом занимаетесь здесь?**

– Да, разработал комплекс упражнений с собственным весом. За эти девять лет я стал уже мастером в этом.

– **Вам пишут письма?**

– Родные пишут, но нечасто. Многие письма из Чечни мне не доходят. Но я знаю, что жена меня ждет, дети ждут, у меня их двое. Самое невыносимое здесь – отсутствие возможности общаться с близкими. Запрещены даже звонки по телефону.

– **Но от краткосрочных свиданий вы сами отказались.**

– Да-да. Не нужно им сюда приезжать. Я мечтаю освободиться, конечно, и поехать домой. Только тут понимаешь всю ценность дома, семьи. Я за минуту рядом с близкими многое бы отдал.

– **Вы не жалеете, что в России отменили смертную казнь?**

– Нет! Если бы меня сейчас стали расстреливать, я бы на колени упал и умолял: «Не убивайте!» Это же жизнь! Вот вы все думаете, что раз человек здесь, то он жить не хочет, то ему проще было бы, если бы его застрелили. Это не так.

Если меня кто-то ждет, я готов тысячу лет быть здесь. Я за отмену смертной казни. Вот, казалось бы, в «Полярной сове» есть такие маньяки, которые ничего, кроме смерти, не заслуживают. Но надо посмотреть, где вырос человек, что он пережил. Я верующий человек, и мне страшна сама мысль, что я мог бы быть неверующим.

Глава 4

«Белгородский стрелок» Помазун

«БЕЛГОРОДСКИЙ СТРЕЛОК» СЕРГЕЙ ПОМАЗУН НА СУДЕ

К моменту моего визита Сергей Помазун провел в «Поярной сове» уже почти три года. Обычно за это время пожизненник успевает свыкнуться с мыслью о том, что это место станет его последним пристанищем. Но Помазун не верит, надеется на освобождение. На суде он просил дать ему не пожизненное, а 25 лет, говорил, что этого вполне хватит

на исправление. Но ни одного довода для смягчения наказания Фемида не нашла. Общаться с Помазуном мы решили в кабинете психолога. Скромную обстановку там украшает разве что картина, но для многих арестантов этот кабинет лучше номера в пятизвездочном отеле.

Помазун у психолога гость не частый, но за его психическое состояние все сотрудники опасаются.

– У него что-то нервное или истерическое, – вздыхают оперативники. – Будто нервный тик какой-то. Дергается он странно, говорит с надрывом. С сокамерником не ужился.

Помазун – в черной тюремной робе и наручниках. Щуплый, жалкий. Сложно представить, что 22 апреля 2013 года он расстрелял шесть человек и ранил одного полицейского в самом центре Белгорода.

Начинаем беседу, и я отмечаю, что говор у него деревенский, уровень образования низкий. Соединять слова в фразы ему трудно, выразить глубокую мысль, кажется, почти невозможно.

Расспрашиваю про жизнь в «Полярной сове».

– Ко мне хорошо обращаются, на «вы», я даже не ожидал, – говорит он. – Но тут непривычные климатические условия.

– Да, вечная мерзлота. А в вашем родном Белгороде сейчас плюс 18.

– Я хочу домой, в деревню.

– Что самое невыносимое в этой тюрьме?

(Знаю, что Помазун уже отбывал в колонии срок за угон, и, по словам родных, после этого стал агрессивным и странным. – *Прим. авт.*).

– Что домой не можешь попасть. Я очень хочу освободиться. Надеюсь, после 25 лет меня отпустят по УДО.

– Вам сейчас 34 – плюс 25, это ведь почти 60.

– Не важно. Я этим живу. А еще невыносимо то, что здесь нельзя днем спать. Я устаю, хочется прилечь, а это строго-на-строго запрещено. Днем вообще нельзя расстилать постель. Но я бы просто даже на полу полежал, такая усталость.

– Но вы ведь здесь ничего не делаете. От чего усталость?

– Она психологическая, наверное. А вообще я делаю. Убираю камеру несколько раз в день. Читаю.

– Какие книги предпочитаете?

– Я плохо запоминаю, что читаю. Но вот последнее было что-то про Прометея. А так люблю фантастику, «Волшебника Изумрудного города». Мысли уносят куда-то, и не хочется возвращаться в реальность. Еще я тут кино смотрю. Нам в камеру приносят DVD. Недавно показывали что-то военное. Про Великую Отечественную войну. А я ведь служил. Рядовой я.

– К тюремной еде привыкли?

– Да, тут все стандартное. Я люблю рис, гречку. Когда была Пасха, нам раздавали вареные яйца, куличи. Вкусно было. Но еда ведь не главное. Самое главное – попасть домой. Вы

не представляете, как хорошо у меня в деревне. Родные от меня не отказались, пишут письма, присылают передачи.

– Вы пришли к вере за решеткой?

– Нет. Я был и остаюсь атеистом. Но ценность жизни тут понял. Не хочу умирать.

– Никто из тех, кого вы убили, тоже не хотел...

– Так уж вышло. Меня довели, разозлили... Охранник в универмаге нагрубил мне, ему не понравилось, что я хожу по женским отделам, а я подарок выбирал. Я решил совершить разбойное нападение – не видел другого способа в тот момент показать, что он не прав. Тех, кто на улице, я не хотел убивать, это вышло случайно, потому что у меня стали вырывать из рук винтовку.

Сергей Помазун так и не раскаялся в своем поступке. Считает, что невиновен в убийствах. Признает вину только в разбойном нападении. «Убивать не хотел, меня спровоцировали», – повторяет он. Помазун никогда не был на учете в психдиспансере, но это случай, когда назвать человека абсолютно здоровым не получается. Если бы его вовремя показали специалистам, возможно, им удалось бы снять стресс с помощью лекарств.

После трагедии в Белгороде МВД не поддержало идею закрытых витрин с пуленепробиваемыми стеклами в оружейных магазинах, потому что возникла путаница, что такое открытая и закрытая витрина. Закрытая – та, которая вообще недоступна. В оружейных магазинах таких быть не может по

определению, потому что продавец достает, показывает покупателю товар. Другое дело, что каждый ствол должен быть на замке и под сигнализацией. В этом случае, как только Помазун взял бы «Тигр» в руки, поступил бы сигнал SOS, и его могли бы задержать раньше, чем он устроил бойню на улице. А что касается видеокамер в магазинах – они никак не спасут от таких, как Помазун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.